

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906

EDN: CPGIKZ

УДК 811.161.1'42:398.3

Научная статья / Research article

Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий

А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ denisenko-av@rudn.ru

Аннотация. Феномен суеверия как коммуникативное явление в языковом сознании представляет собой сложное переплетение когнитивных процессов, дискурсивных практик и лингвокультурных особенностей. Суеверия отражают коллективный опыт народа, его мировоззрение и способы осмысления действительности. Таким образом, актуальность исследования детерминирована необходимостью комплексного осмысления феномена суеверия как жанровой разновидности прогностического дискурса, его функциональной роли в формировании национальной языковой картины мира и воздействия на коммуникативные практики в современных социокультурных условиях. Целью исследования является комплексное изучение суеверия как коммуникативного феномена, включающее характеристику его речежанровых форм, определение места в структуре прогностического дискурса, а также анализ механизмов формирования поведенческих моделей в разных социокультурных условиях. Исследование базируется на комплексном применении общенаучных методов анализа и синтеза, а также специальных методов лингвокультурологического анализа. На примере большого количества исследуемых русских суеверий автором доказывается доминирующая роль менталитета и этнокультурного влияния на процесс их возникновения и трансформации, а также манифестируется проявление древних магических установок поведения в современных интерпретациях. Перспективность данного направления исследования определяется его потенциалом в области углубленного понимания механизмов функционирования суеверных представлений в современном языковом сознании, а также их роли в формировании коммуникативных практик.

Ключевые слова: бытовая примета, прогностический дискурс, семантика, лингвокультурология

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.03.2025; дата приема в печать: 15.04.2025.

Для цитирования: Денисенко А.В. Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 891–906. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906>

© Денисенко А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Cognitive and Discursive Characteristics of Speech-Genre Forms of Russian Superstitions

Anastasia V. Denisenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ denisenko-av@rudn.ru

Abstract. Phenomenon of superstition is a communicative phenomenon in the linguistic consciousness, representing a complex interweaving of cognitive processes, discursive practices and linguacultural features. Superstitions reflect the collective experience of the people, their worldview and ways of comprehending reality. Thus, the relevance of the study is determined by the need for a comprehensive understanding of the phenomenon of superstition as a genre variety of predictive discourse, its functional role in the formation of the national linguistic picture of the world and its impact on communicative practices in modern socio-cultural conditions. The aim of the study is to comprehensively investigate superstition as a communicative phenomenon, including the characterization of its speech-genre forms, determination of its place in the structure of predictive discourse, as well as the analysis of the mechanisms of behavioral patterns formation in different socio-cultural conditions. The research is based on the complex application of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as special methods of linguacultural analysis. On the example of a large number of Russian superstitions under study, the author proves the dominant role of mentality and ethno-cultural influence on the process of their emergence and transformation, as well as manifests the manifestation of ancient magical behavioral patterns in modern interpretations. The results of the study can become a methodological basis for further scientific research in the field of linguacultural studies and ethnolinguistics, as well as contribute to a fuller understanding of the mechanisms of functioning of superstitious beliefs in modern linguistic consciousness. The prospectivity of this research direction is determined by its potential in the field of in-depth understanding of the mechanisms of functioning of superstitious representations in modern linguistic consciousness, as well as their role in the formation of communicative practices.

Keywords: household omen, predictive discourse, semantics, linguoculturology

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.03.2025; accepted: 15.04.2025.

For citation: Denisenko, A.V. (2025). Cognitive and Discursive Characteristics of Speech-Genre Forms of Russian Superstitions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 891–906. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906>

Введение

Желание знать будущее и быть готовым к любому удару судьбы в настоящем появилось с самого зарождения цивилизации. Суеверие как коммуникативный феномен традиционно играл значимую роль, выполняя ряд важнейших функций, актуальных и в современном обществе. Суеверие, как один из способов освоения реальности и планирования развития событий будущего, прочно закрепилось в коллективном разуме и даже в условиях современности активно воздействует на сознание. Являясь частью народных примет, основная задача которых репрезентировать обиходное понимание связей между явлениями

и событиями, позволяющие прогнозировать будущее, суеверия или предрасудки имеют сходную функцию, но чаще воспринимаются отрицательно или с определенной долей скепсиса. В то же время в профессиональных сферах с высокой степенью риска и неопределенности, таких как спорт, военная служба и творческая деятельность, отмечается усиление роли суеверных представлений. В данных контекстах суеверия функционируют как компенсаторный механизм, выполняющий роль психологического буфера и способствующий формированию уверенности в успешном исходе деятельности.

В условиях современного социума суеверные представления выступают как инструмент сохранения культурной идентичности, что приобретает особую актуальность в контексте глобализационных процессов. Данные феномены способствуют формированию устойчивой связи между индивидом и традиционными культурными ценностями при одновременном интегрировании в глобальное социокультурное пространство.

Важно отметить, что суеверие функционирует как особый вид социального знания, передающегося через речевую коммуникацию и закрепленного в языковых формах, являясь частью более широкой системы прогностического дискурса, где рациональное и мистическое тесно переплетаются, создавая уникальную картину мира.

Постановка проблемы

Прочно укоренившись в сознании социума, суеверие является обширным полем для исследования его структурно-семантических особенностей, прогностической функции и роли в формировании коммуникативных практик. Возникает необходимость к изучению механизмов трансляции суеверных представлений в современном обществе, их способности к образному осмыслению ситуаций и функционированию в качестве регуляторов поведения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о суеверии с точки зрения его жанровой включенности в понятие прогностического дискурса, а также как элементе национальной языковой картины мира и его влиянии на формирование коммуникативных практик в современном обществе.

Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий представляют собой сложное явление, включающее несколько ключевых аспектов: структура суеверных высказываний, когнитивные механизмы, дискурсивные особенности, речежанровые характеристики, функциональные аспекты, этнокультурные особенности.

Методы исследования

Цель исследования заключается в выявлении и описании основных характеристик суеверия как коммуникативного феномена, определении его места в системе прогностического дискурса и роли в формировании

поведенческих паттернов в различных социокультурных контекстах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к изучению суеверия как коммуникативного феномена; выявить основные структурные компоненты суеверных представлений; определить специфику функционирования суеверий в современном языковом сознании; исследовать механизмы трансляции суеверных представлений в различных коммуникативных контекстах; описать роль суеверий в формировании поведенческих паттернов.

Эмпирическую базу исследования составляют лексикографические источники, специализирующиеся на паремиологической фиксации примет и суеверий, а также релевантные материалы, размещенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Методология исследования базируется на комплексном применении общенаучных методов анализа и синтеза, а также специальных методов лингвокультурологического анализа, что обеспечивает репрезентативность полученных результатов.

Семиотика суеверия

В дискурсивной парадигме суеверия определяются как жанровая разновидность прогностического дискурса, интегральными характеристиками которого выступают рациональная прогностическая деятельность и мистическая интерпретация событийной действительности. Прогностический дискурс, с определенной степенью условности, предполагает такие коммуникативные практики, как благопожелания, проклятия, обещания, угрозы, программные заявления, планы, предсказания, метеорологические прогностические заключения, диагностические суждения и иные вербальные акты, ориентированные на проспективную временную модальность.

Лингвокультурологическое описание суеверных феноменов неоднократно становилось объектом исследовательского интереса филологов, при этом на протяжении длительного времени данное явление рассматривалось в синкретичном единстве с паремиологическими единицами, приметами, поверьями и прочими элементами народной культуры [1–3] Дифференциация суеверий как автономного феномена в системе паралингвистических явлений произошла лишь в конце XX — начале XXI в.

Особого внимания заслуживает полисемантичность самого понятия «суеверие», что манифестируется в его разноплановой дефиниции в лексикографических источниках, что обуславливает необходимость систематизации и концептуальной интеграции существующих определений данного феномена.

По В.И. Далю, суеверие — это «...ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу,

гадания, в приметы, знамения; вера в причину и следствие, где никакой причинной связи не видно»¹.

По И.А. Чергинец, суеверия — это «транслируемые культурной традицией вербализованные иррациональные компоненты обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует свое поведение». Автором отмечается, что анализируемое понятие характеризуется поликомпонентной структурой, детерминированной лингвистической картиной мира каждого этносоциума, что обуславливает его специфическую семантическую наполненность в контексте конкретной лингвокультурной общности [4. С. 84].

По Л.В. Киржановой, суеверие представляет собой комплексный семиотический конструкт индивидуальной когнитивной системы, детерминированный субъективной модальностью в рамках личности и характеризующийся наличием убеждений в отношении паранатуралистических феноменов, включая фольклорные поверья, магические практики, астрологические концепции и псевдодуховные доктрины [5. С. 8].

Таким образом суеверие представляет собой лингвистическую конструкцию прогностического характера, реализованную на синтаксическом уровне предложения и содержащую в себе ценностную ориентацию на сверхъестественное и трансцендентное.

Ключевой особенностью суеверия выступает присутствие причинно-следственной связи, устойчивой к рациональному обоснованию. Именно этот признак позволяет дифференцировать суеверие и примету, которая формируется на основе эмпирических наблюдений этноса и опирается на проверяемые факты [6. С. 63–67]. В парадигме традиционной лингвистики наблюдается отсутствие унифицированных критериев классификации суеверий, равно как и недостаточная степень разработанности проблематики жанровой специфики данных регулятивных коммуникативных практик.

Суеверные представления репрезентируют аксиологически значимые для индивида семантические доминанты, отражающие полиаспектную природу бытовой жизнедеятельности. В семантическое пространство суеверий интегрированы такие ключевые сферы человеческого существования, как трудовая деятельность, состояние здоровья, межличностное взаимодействие и интенциональная реализация желаний. Данная специфика демонстрирует ярко выраженный антропоцентрический принцип организации смыслового содержания суеверных представлений, что подтверждается их функциональной направленностью на решение экзистенциальных проблем человека.

Антропоцентричность выступает интегральной характеристикой суеверного сознания, определяющей его когнитивно-дискурсивную организацию и прагматическую направленность. В этом контексте суеверия могут

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 М., 1980. С. 357.

быть интерпретированы как комплексное ментальное образование, обусловленное потребностью человека в когнитивной и эмоциональной адаптации к окружающей действительности. Иначе говоря, суеверные представления функционируют как многоаспектный механизм смыслообразования, обеспечивающий когнитивную и эмоциональную регуляцию различных сфер человеческой жизнедеятельности.

Семиотическая природа суеверий заключается в том, что суеверия рассматриваются как знаки определенных ситуаций, которые позволяют увидеть отношения между реальными вещами. Суеверные приметы представляют собой сложные знаки, состоящие из двух частей: означающего (событийная часть) и означаемого (прогноз) [6; 7]. Тексты большинства суеверий, свойственных русской культуре, имеют двухчастную структуру. Отношения между этими частями определяют структурно-семиотические модели примет [8; 9].

По мнению С.В. Тугановой [10. С. 14–17], для суеверных примет характерны определенные бинарные семантические оппозиции:

- «локус — судьба»: *Если эта птица не вернется по весне на старое гнездо — там будет пожар, Птица в дом влетела — к беде, Птичка бьется в окно — к хорошим вестям, Свистеть в доме — плохая примета: все деньги просвиستیшь, Через порог ничего не принимать и не разговаривать: поссориться, либо дети немые будут* [11. С. 388, 424, 373];
- «время — судьба»: *Кукушка до Егория — к неурожаю и надежду скота, При заходе солнцем денег не считать, расчетов не сводить* [11. С. 235, 158];
- «действие — судьба»: *Зеркало разбить — к худу, его надо поскорее выбросить: нет ничего страшнее для людей, чем смотреться в разбитое, треснувшее зеркало, ибо можно черта увидеть, Поздороваться через порог — поссориться, Наступить на чужой след в дороге — к неудаче или ноги будут болеть* [11. С. 167, 373, 433];
- «образ действия — судьба»: *Если курица петухом поет — не к добру, Кто впервые услышит кукушкин голос на тощий желудок, тому год сулит несчастья, Кошка клубком — на мороз, Если кто-то чихает во время рассказа, это означает, что он говорит правду* [11. С. 240, 235, 225];
- «количество — судьба»: *Тринадцать — роковое число, Нельзя, чтобы за столом было тринадцать человек. Не садись тринадцатым². Приснившиеся цифры означают скуку и досаду; единица означает общество, два — сплетни, три — разговор о деле, четыре — тщетный труд, пять — сильный спор, шесть и больше — обман и ложь* [11. С. 492].

Исходя из четкой структуры бинарных семантических оппозиций в презентации суеверий, можно говорить о структурной оформленности как о ярко-выраженной речежанровой характеристике. Кроме того, что суеверные

² Мезенцев В.А. О суевериях всерьез. М. : Сов. Россия, 1989. С. 15.

приметы обладают клишированностью и контекстуальной устойчивостью, в них также часто присутствует рифма и образность: *Корова мычит — хозяин будет сердит, Пост — в рай мост!* [11. С. 219, 377]. Образное кодирование прогноза в суевериях напрямую влияет на выбор речевых средств, что проявляется в некоторых языковых особенностях. Использование метафорических образов: *Солнце в кругу — к снегу* — кругообразное сияние вокруг солнца символизирует грядущие осадки [11. С. 442]. Применение звукописи: *На Тихона солнце идет тише* — аллитерация подчеркивает плавность движения солнца [11. С. 443].

Многие суеверия основаны на метафорическом восприятии понятий «полнота» и «пустота». Например, встреча с человеком, несущим наполненные ведра, считается предвестником удачи, а пустые ведра предвещают неудачу: *Девка с полными ведрами попалась навстречу — к добру; с пустыми — к худу* [11. С. 60].

Также необходимо отметить, что для суеверий характерна вариативность, особенно в их прогностической части: *Чешется свинья — к теплу или к ненастью* [11. С. 424]. Подобная изменчивость в трактовках обусловлена ненаучным характером описания суеверий, исторически распространявшихся именно в устной форме.

В некоторых случаях бинарность суеверных примет можно дополнить и третьим компонентом: наряду с тематикой положения дел и ожидаемыми последствиями есть и гипотетическое объяснение причинно-следственных связей. Например, *Не начинай строить дом на старости лет, а то скорей умрешь* можно объяснить с практической точки зрения, поскольку на старости лет нет точной уверенности, будет ли возможность достроить дом. Или *Въехал в новый дом — потолок целый год белить не надо* [12. С. 62]. Данный этнографический феномен имеет рациональное обоснование, обусловленное конструктивными особенностями домостроения. В течение первого года эксплуатации происходит естественная усадка дома, что сопровождается деформацией потолочных конструкций. Данный процесс неизбежно приводит к нарушению целостности побелочного слоя потолка, вследствие чего возникает необходимость регулярной уборки образовавшейся пыли.

Формулировки суеверий как вида бытовых примет можно расширить, добавив предписание разрешения негативного результата и его исправление. Например, в русской лингвокультуре негативно расценивается ситуация со случайно просыпанной солью, что неизбежно приведет к ссоре или беде: *Соль просыпать — быть ссоре*; «во избежание этого нужно или рассмеяться, или дать себя ударить по лбу, или посыпать голову рассыпанной солью» [11. С. 444]. Обладая достаточными знаниями в области культурологии, не составит труда найти истолкование того или иного действия. В этнокультурной традиции соль занимает особое место как сакральный

объект, вокруг которого сформировалась сложная система символических значений и ритуальных практик. Феномен сакрализации соли обусловлен ее функциональной значимостью в различных культурных контекстах, что подтверждается наличием многочисленных суеверий и примет, связанных с этим продуктом.

Этнографические исследования фиксируют разнообразные представления о соли в различных культурных традициях. Примечательно, что этиологические объяснения суеверий, связанных с солью, демонстрируют столь же значительное разнообразие, как и сами суеверные практики.

Особого внимания заслуживает интерпретация символического значения соли в контексте религиозного искусства. На знаменитой фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» присутствует композиционный элемент, изображающий Иуду, который опрокидывает солонку. Многие исследователи языка и культуры рассматривают данный художественный мотив как потенциальный источник формирования суеверных представлений о негативной символике рассыпанной соли.

Однако анализ исторических источников свидетельствует о более раннем включении соли в религиозно-ритуальную практику. В частности, в восточных культурных традициях соль выступала важным элементом церемониальных практик, в том числе использовалась при заключении союзов и договоров. Ритуал скрепления договора солью предполагал символическое действие, при котором участники соглашения вкушали соль из общей солонки, что свидетельствовало о серьезности их намерений и готовности к установлению доверительных отношений.

Таким образом, символическая значимость соли в культурной традиции формировалась на протяжении длительного исторического периода и была обусловлена как ее практической ценностью, так и символическим потенциалом, который находил отражение в различных культурных практиках и представлениях.

Как говорилось выше, в структуре суеверных представлений значительное место занимают прогностические дискурсивные практики, содержащие потенциальную семантику негативного исхода. Характерной особенностью таких когнитивных конструкторов является наличие компенсаторного поведения, направленного на нейтрализацию предполагаемого неблагоприятного воздействия и восстановление исходного состояния субъектов суеверного действия.

Данная компенсаторная модель реализуется через специфические ритуальные практики, которые, согласно суеверным представлениям, способны нивелировать негативное воздействие. Просыпав соль, рекомендуется собрать ее и бросить через плечо. Альтернативный вариант компенсаторного поведения характеризуется меньшей степенью ритуальной сложности и заключается в демонстративном проявлении смеха. При этом эффективность

коррективных действий не имеет эмпирического подтверждения, однако выполняет важную психологическую функцию в контексте преодоления когнитивного диссонанса и снижения тревожности, связанной с ожиданием негативных последствий.

Примечательно, что структура таких компенсаторных практик часто включает элементы архаических представлений, трансформированных в современном культурном контексте, что свидетельствует о сохранении базовых механизмов суеверного мышления при адаптации к современным социокультурным условиям. В сети Интернет можно найти множество аудиовизуальных материалов, представленных на популярных ресурсах и дающих исчерпывающую информацию о способах исправления неблагоприятного действия. Например, собрать соль с помощью пылесоса и отправить ее в систему водостока многоквартирного дома, предварительно растворив в воде, которая наделена сакральной энергией.

В дискурсивном плане суеверие можно классифицировать по тематическому признаку, выделяя при этом несколько способов его выражения.

По М.А. Кульковой, тематически суеверия разделяются на три основные группы: «погодные, или метеорологические приметы; сельскохозяйственные приметы; бытовые, или суеверные приметы» [13. С. 12–13]. Примером погодных суеверий могут служить следующие приметы: *Дым столбом — к морозу, Зимой сухо и холодно — летом сухо и жарко* [11. С. 145, 170]. Сельскохозяйственные приметы: *Коли на Сретенье капель, то будет урожай на пшеницу, Урожай на сосновые шишки — урожай на ячмень, На Благовещенье запрещается подметать в доме и особенно выбрасывать мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки* [11. С. 451, 449, 42]. Бытовые суеверия: *Если волосы оставлять на полу, выметать их и топтать, будет болеть голова, появится ревматизм и другие тяжёлые болезни, Кто обрезает ногти во вторник и четверг, тот получает заусеницы на пальцах, В стакане или чашке чаинка плавает — к подарку* [11. С. 88, 307, 494].

По В.И. Карасику, в рамках дискурсивного анализа суеверных представлений выделяется комплексная структура народных примет, которая может манифестироваться в трех основных формах [14. С. 43]:

1. в виде запрета или предписания: *Не свисти в доме!, Нельзя зашивать на себе одежду;*
2. с дополнительным объяснением: *Нельзя свистеть в доме, потому что это привлечет нечистую силу, Нельзя зашивать на себе одежду — пришьешь память;*
3. с указанием на способ исправления: *Если посвистел в доме, нужно трижды обернуться вокруг себя, чтобы повернуть время вспять, Если пришлося зашивать одежду на себе — закрыть рот, прикусив нитку или язык* [11. С. 512].

Лингвокультурологические характеристики речевого жанра «суеверие»

При рассмотрении лингвокультурологических характеристик речевого жанра «суеверие» представляется целесообразным акцентировать внимание на национально-специфических особенностях менталитета и парадигме мистического осмысления реальности, имманентных русской этнокультурной традиции [15. С. 155]. Данная специфика детерминирована исторически сложившимися когнитивными установками русского народа и находит свое отражение в особенностях формирования и функционирования суеверных представлений.

В контексте лингвокультурологического анализа особое значение приобретает исследование механизмов мифологизации действительности, характерных для русского этноса, что позволяет выявить инвариантные черты национального мировосприятия и их отражение в системе суеверных представлений. При этом необходимо учитывать, что специфика мистического осмысления реальности в русской культурной традиции обуславливает особую модальность восприятия и интерпретации суеверных феноменов, что находит отражение в их вербализации и функциональной реализации в коммуникативном пространстве.

Таким образом, анализ культурологических характеристик речевого жанра *суеверие* требует комплексного рассмотрения в контексте национально-специфических особенностей менталитета и традиционной парадигмы осмысления действительности. С учетом этих аргументов представляется целесообразным рассмотреть феномен суеверий как значимого компонента традиционной ментальности [16. С. 133].

Тематически многие суеверия связаны с внешностью и здоровьем. В традиционной культуре существовала практика прогностической оценки человека, начинавшаяся с момента его появления на свет. Данная практика характеризовалась визуальной диагностикой новорожденных, включающей анализ морфологических особенностей, таких как черты лица и конституция тела.

При этом наблюдалась корреляция между определенными физическими признаками и прогнозируемыми жизненными характеристиками. Например, форма подбородка рассматривалась как индикатор потенциальной продолжительности жизни: острая форма ассоциировалась с ранней кончиной, а тупая — с крепким здоровьем и долголетием.

Современная физиогномика подтверждает наличие связи между определенными чертами лица и личностными характеристиками. Так, квадратный подбородок в сочетании с выраженными скулами рассматривается как признак мужественности, что коррелирует с традиционными представлениями о физическом идеале, воплощенном в образах русских богатырей былинного эпоса.

Особого внимания заслуживает феномен стигматизации редких фенотипических признаков. В частности, рыжеволосые люди подвергались социальным отрицаниям, что проявлялось в следующих культурных установках. Данная стигматизация нашла отражение в народном языковом сознании, что подтверждается сохранением многочисленных паремиологических единиц, содержащих негативную оценку рыжеволосых людей, например: *рыжий да красный — человек опасный, с черным баню не топи, с рыжим дружбу не води* [11. С. 88].

В системе русской народной культуры наблюдается феномен полисемантической суеверных представлений, что проявляется в наличии противоположных оценочных характеристик идентичных или схожих феноменов.

Анализ семантической структуры суеверных представлений позволяет выделить следующие категории:

1. Суеверия-антонимы, характеризующиеся антонимической оппозицией в интерпретации событий. Примером может служить противоположная оценка встречи свадебной (позитивная коннотация) и похоронной (негативная коннотация) процессов [12. С. 93].
2. Суеверия с пространственной маркировкой, где наблюдается бинарная оппозиция *правое/левое*. В традиционной картине мира происходит аксиологическая дифференциация пространственных характеристик, где *правое* наделяется позитивной семантикой, а *левое* — негативной. Это находит отражение в таких суеверных представлениях, как *жар в левом ухе* ‘неправду говорят’ и *жар в правом ухе* ‘хорошие разговоры о человеке’: Правое ухо горит — хвалят или правду говорят; левое — напраслину [11. С. 480].
3. Суеверия-омонимы, характеризующиеся полисемией действия с противоположным значением. Данный феномен проявляется в различной интерпретации схожих событий, например: *разбитое зеркало* (негативная коннотация) и *разбитая посуда* (позитивная коннотация) [11. С. 167].

Данная амбивалентность суеверных представлений может рассматриваться как проявление дуализма народного сознания, где одно и то же явление может получать противоположную оценку в зависимости от контекста и культурной интерпретации.

В традиционной культуре прогностический дискурс характеризуется выраженной аксиологической направленностью, где центральной категорией выступает концепт удачи. Функциональная организация данного дискурса включает: привлечение удачи и предупреждение о неудаче в результате определенных действий, а также оценку судьбы человека, что также является важной культурологической составляющей для русского менталитета с учетом огромного количества подобных суеверий. Например:

1. *На пиру посуда бьется — к счастью хозяина* — древняя примета, связанная с разбитой посудой, особенно на свадьбах по всему миру, включая Россию [11. С. 378].

2. *В понедельник расчетов не производят и денег в долг не дают, чтобы не таяли, как воск, в течение всей недели* — суеверие о финансовом благополучии [11. С. 124].
3. *Не клади пряслицы на стол — сорок грехов наживешь* — суеверие сакральности некоторых предметов домашнего обихода [11. С. 387].
4. *В сорочке родился — будешь счастливым* — суеверие о предопределенности судьбы человека [11. С. 407].

Во всех мировых культурах особое место занимают суеверия, коррелирующие с ключевыми этапами жизненного цикла человека. В структуре русского этнокультурного менталитета идентифицированы три фундаментальных переходных этапа: перинатальный период (беременность и роды), этап формирования брачных отношений (обручение и брак), терминальный период (смерть и погребальные ритуалы) [17. С. 109].

Трансформация индивида между различными социальными и биологическими состояниями концептуализируется как критический процесс, требующий имплементации специфических предохранительных мер. Эти предосторожности выражаются в виде суеверий дуалистической природы, носящих как предписывающий, так и запрещающий характер. Например, нельзя показывать новорожденного никому в течение 40 дней. Считается, что так можно избежать «сглаза»: *До шести недель ребенка нельзя показывать посторонним* — не то сглазят» [12. С. 21].

Этнографические исследования архаического периода русской культуры демонстрируют превалирование представлений о детерминации ключевых событий в жизни человека (рождения, смерти, заболеваний) влиянием темных, нечистых, загробных и вредоносных сил [18]. Особую значимость в традиционном сознании приобретали перинатальные и терминальные события, индуцирующие выраженный страх у суеверных представителей социума. В результате сформировалась комплексная система очистительных ритуалов, направленных на нейтрализацию предполагаемого влияния нечистой силы, что находит отражение в многочисленных этнографических описаниях и фольклорных источниках. Широко известна традиция, принятая в России, предписывающая занавешивать все зеркала в доме недавно умершего: *Зеркала в доме, где покойник, завешиваются, чтобы его душа не могла в них отразиться, а потом показываться оттуда, до смерти пугая живых* [11. С. 167]. Эти суеверия отражают древние славянские представления о необходимости проведения определенных ритуалов при похоронах для защиты живых от влияния мертвых и обеспечения благополучного перехода души умершего в загробный мир.

Как и любое явление, суеверия трансформируются, дополняются и появляются новые в соответствии с обстоятельствами жизни. Показательны в этом отношении новые современные суеверия, возникшие в реалиях настоящего времени на основе древних устаревших верований и прогностически

устремленные в будущее. Примером может служить традиционно свойственное ментальности русского человека желание быть успешным в трудовой деятельности, репрезентированное в современных суевериях офисного сотрудника. С порогом связано много суеверий, уходящих корнями в глубокую древность, но и сегодня на пути к кабинету директора обязательно нужно быть аккуратным, чтобы не споткнуться и не навлечь на себя беду [11. С. 148]. Кресло сотрудника, получившего повышение, считается хорошим знаком. В то же время нельзя садиться на место коллеги, которого недавно уволили, тогда того, кто в него сел, также ждет такая же судьба³.

Интересно, что многие современные суеверия смешиваются с технологическими реалиями: например, люди могут стучать по дереву и одновременно делать “три касания” по экрану телефона. Многие традиционные суеверия трансформируются под влиянием современности, приобретая новые формы.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что суеверие представляет собой сложную коммуникативную единицу прогностического дискурса, характеризующуюся специфической двухчастной структурой и особой функциональной направленностью.

Выявлено, что ключевым признаком суеверия является наличие каузальной связи, не поддающейся рационально-логической интерпретации, что определяет его место в системе наивного миропонимания и роль в формировании коммуникативных практик.

Проведенное исследование демонстрирует, что суеверные представления выполняют важную функцию построения простой картины мира, где основными компонентами выступают действия и предписания мистической направленности. При этом характерной особенностью суеверных практик является наличие компенсаторного поведения, направленного на нейтрализацию потенциального негативного воздействия.

Материалы исследования подтверждают гипотезу о доминирующем влиянии этнокультурного фактора и менталитета на формирование и трансформацию суеверных представлений, что проявляется в сохранении древних магических установок поведения в современных интерпретациях.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые характеристики функционирования прогностических суеверий в коммуникативном пространстве.

Установлено, что прогностические суеверия представляют собой устойчивые когнитивно-коммуникативные конструкции, обладающие следующими существенными признаками:

³ Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YbmPp6B351Eku4IL?ysclid=m8oledcikg529542806> (дата обращения: 10.02.2024).

1. Трансляционная функция: осуществляется межпоколенная трансляция суеверных представлений как элемента культурной традиции с одновременным их обновлением в соответствии с особенностями каждой исторической эпохи.
2. Регулятивный потенциал: проявляется в способности суеверий выполнять функцию социального регулирования поведения индивида в ситуациях неопределенности и риска, а также в их роли как носителя значимых социокультурных норм и символов.
3. Полисемиотичность: характеризуется способностью суеверных представлений к приобретению дополнительных смысловых значений при сохранении исходной прогнозирующей функции, что обеспечивает их применимость в различных коммуникативных контекстах.
4. Проактивный характер: выражается в способности формировать предвосхищающий образ будущей ситуации на основе анализа существующих условий.
5. Психифеноменологическая природа: определяется способностью ожиданий от реализации прогностического суеверия детерминировать поведение человека и его восприятие реакций социального окружения, что может инициировать механизм самореализующегося пророчества.

Суеверия как речевые формы представляют собой сложное переплетение когнитивных процессов, дискурсивных практик и лингвокультурных особенностей. Они отражают коллективный опыт народа, его мировоззрение и способы осмысления действительности. В современном контексте происходит трансформация суеверных представлений, но их когнитивно-дискурсивная основа остается относительно стабильной, адаптируясь к новым условиям существования.

В современном обществе происходит переосмысление суеверных представлений, их адаптация к новым технологическим и социальным реалиям. При этом сохраняются основные когнитивные механизмы их функционирования, трансформируются лишь внешние формы выражения и контекст применения.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области лингвокультурологии и этнолингвистики, а также способствовать более глубокому пониманию механизмов функционирования суеверных представлений в современном языковом сознании.

Список литературы

1. Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // *Язык и культура*. 2012. № 2 (18). С. 5–14. EDN: OZLZVD
2. Иванова Н.Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006. EDN: NJXNIN

3. Дементьев В.В. Речевжанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2016. EDN: XEDXFV
4. Чергинец И.А. Лингвокультурный статус суеверий и предрассудков в русской лингвокультуре // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2(54). С. 83–87. EDN: JPJJPH
5. Киржанова Л.В. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов к преодолению суеверий: автореф. дис.... канд. психол. наук. Самара, 2005. EDN: NIEOAZ
6. Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95 EDN: UIGEUE
7. Мэнцзе Л. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // СИСП. 2023. Т. 15. № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112> EDN: GTMIJN
8. Страусов В. Н., Страусова С. К., Фролова А. В. Семантикофункциональные классы примет с бинарной оппозицией «часть—целое» // *Juvenis Scientia*. 2018. № 7. С. 14–17. EDN: XUNKHB
9. Страусов В.Н., Страусова С.К., Заврумов З.А., Акопянц А.М. Семиосфера и культурные коды примет // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 125–129. EDN: XXEXZD
10. Туганова С.В. Экзистенциальное понятие смерти в суеверном сознании // Филология и культура. 2011. № 1(23). С. 192–198. EDN: ZNBLGH
11. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996.
12. Панкеев И.А., Панкеева Н.И. Тайны русских суеверий. М. : Олимп: Астрель: АСТ, 2007.
13. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис... д-ра филол. наук. Казань, 2011.
14. Карасик В.И. Речевжанровые характеристики бытовых примет // Жанры речи. 2025. Т. 20. № 1(45). С. 41–50. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50> EDN: RDYYSB
15. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / под ред. А.К. Байбурина. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 154–178.
16. Ломакина О.В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> EDN: AXXQCL
17. Флигинских Е.Е. Обрядовые суеверия в культуре русского народа // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3(15). С. 109–112. EDN: RKSEXQ
18. Клопыжникова А.А. Структурно-функциональные особенности семейных обрядов древних россиян // Аналитика культурологии. 2010. № 2(17). С. 74–77. EDN: QZBHAZ

References

1. Agapova, N.A. (2012). A Key Word of a Folk Sign: Position, Properties, Specification. *Language and Culture*, 2 (18), 5–14. (In Russ.). EDN: OZLZVD
2. Ivanova, N.N. (2006). *Structural-Semantic Peculiarities and Linguocultural Potential of Omens* [PhD Thesis]. Veliky Novgorod. (In Russ.). EDN: NJXNIN
3. Dementyev, V.V. (2016). *Speech-Genre Communicative Values in New and Newest Spheres of Russian Speech*. [Monograph]. Saratov: Saratov State University publ. (In Russ.). EDN: XEDXFV
4. Cherginets, I.A. (2008). Linguocultural Status of Superstitions and Prejudices in Russian Linguoculture. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2(54), 83–87. (In Russ.). EDN: JPJJPH
5. Kirzhanova, L.V. (2005). *Psychological and Pedagogical Conditions of Formation of Students' Readiness to Overcome Superstitions* [PhD Thesis]. Samara. (In Russ.). EDN: NIEOAZ

6. Liang, M. (2022). Semiotic Approach to Studying Omens in the Russian Culture (Based on the Omens Related to Birds). *Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (1), 95–112. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95 EDN: UIGEUE
7. Liang, Mengjien. (2023). Propositional Analysis as a Way of Re-vealing Underlying Cultural Meanings in the Text of Omens. *Modern Studies of Social Issues*, 15(1), 94–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112> EDN: GTMIJN
8. Strausov, V. N., Strausova, S. K., & Frolova, A. V. (2018). Semantic-functional Classes of Omens with the Binary Opposition “Part: Whole”. *Juvenis Scientia*, 7, 14–17. (In Russ.). EDN: XUNKHB
9. Strausov, V.N., Strausova, S.K., Zavrumov, Z.A., & Akopyants, A.M. (2020). Semiosphere and Cultural C. des of Superstitions. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 1, 125–129. (In Russ.). EDN: XXEXZD
10. Tuganova, S.V. (2011). Existencial Concept of Death in Superstitious Mind (based on Human-Oriented Popular Superstitions). *Philology and Culture*, 1(23), 192–198. (In Russ.). EDN: ZNBLGH
11. Grushko, E.A., & Medvedev, Yu.M. (1996). *Slovar 'russkikh sueverii, zaklinanii, primet i poverii* [Dictionary of Russian Superstitions, Spells, Omens and Beliefs]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
12. Pankeev, I.A., & Pankeeva, N.I. (2007). *Tajny Russkikh Sueverij*. Moscow: Olimp: Astrel'. AST. (In Russ.).
13. Kulkova, M.A. (2011). *Cognitive and Semantic Space of the Folk Omen* [Doctoral Thesis]. Kazan. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. (2025). Speech-genre Characteristics of Everyday Omens. *Speech Genres*, 1(45), 41–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50> EDN: RDYYSB
15. Tsivyan, T.V. (1985). Mythological programming of everyday life. In: *Ethnic stereotypes of behaviour*, Baiburin A.K. (Ed.) (pp. 154–178). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
16. Lomakina, O.V. (2022). Sign as a Text of Culture in the Light of the Study of the Languages of the Peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> EDN: AXXQCL
17. Fliginskikh, E.E. (2014). Ritual Superstitions in the Culture of Russian People. *Vestnik Mari State University*, 3(15), 109–113. (In Russ.). EDN: RKSEXQ
18. Klopzyzhnikova, A.A. (2010). Strukturno-funkcional'nye osobennosti semejnyh obryadov drevnih rossiiyan. *Analitika kul'turologii*, 2(17), 74–77. (In Russ.). EDN: QZBHAZ

Сведения об авторе:

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология медиалингвистика, дискурсология, стилистика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460, SPIN-код: 9567-3407; Scopus ID 57222036217, Researcher ID D-7770-2019.

Information about the author:

Anastasia V. Denisenko, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation); *Research interests*: linguoculturology mediallynguistics, discursology, stylistics, intercultural communication; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460, SPIN-code: 9567-3407; Scopus ID 57222036217, Researcher ID D-7770-2019.